

Козлов Александр Викторович

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, ученый секретарь
Ученого совета Нижегородского филиала Государственного университета –
Высшей школы экономики,
кандидат юридических наук

Мурзаков Сергей Иванович

заместитель декана факультета права Нижегородского филиала
Государственного университета – Высшей школы экономики,
кандидат юридических наук

О проблеме определения прямого и косвенного умысла в уголовном законодательстве России

Термин «вина», безусловно, является одним из ключевых в современном уголовном праве и законодательстве России. Данное обстоятельство обусловлено тем, что отечественное уголовное право стоит на жесткой позиции субъективного вменения, а наличие вины, согласно ст. 5 Уголовного кодекса РФ, является необходимым условием уголовной ответственности. При этом форма вины в большинстве случаев оказывает решающее влияние на итоговую квалификацию содеянного, а также срок и размер наказания. Именно поэтому вина является объектом пристального внимания ученых в области уголовного права, которые в своих научных трудах с завидной настойчивостью и постоянством поднимают вопросы понятия вины, ее роли и месте в уголовном праве, рассматривают проблемы законодательной регламентации форм вины и т.д. При этом анализ юридической литературы показывает, что подходы ученых к пониманию различных аспектов вины далеко не однозначны, и в целом ряде случаев по поводу вины на страницах журналов и монографий, на конференциях, семинарах, и круглых столах, симпозиумах и т.д. возникают ожесточенные споры.

Проблема вины многогранна. В настоящей статье авторы попытаются указать лишь на то, какие сложности возникают в теории уголовного права и практике применения уголовного законодательства в определении прямого или косвенного умысла в связи с недостатками законодательной регламентации умысла в Уголовном кодексе РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. В свою очередь в соответствии с ч. 3 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично¹.

Первая проблема возникает в связи с тем, что определение прямого и косвенного умысла дано в УК РФ применительно к материальным составам преступления. А.Э. Жалинский отмечает, что «статьи 25 и 26 УК РФ определяют совершенно четко и умысел – прямой или косвенный, и неосторожность – легкомыслие или небрежность через отношение к последствиям. Поэтому все обвинительные приговоры по преступлениям, по которым закон не требует наступления последствий (формальные составы – *прим. авторов*), являются незаконными. Они должны быть, если руководствоваться УК РФ, незамедлительно отменены»².

Понятно, что пересматривать и отменять приговоры по формальным составам никто не будет, но споры относительно формы вины в формальных составах ведутся. Мы придерживаемся мнения Г.А. Станкевич, отмечающей, что в «современной науке российского уголовного права принято за аксиому, что при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в желании совершить общественно-опасное действия, запрещенные уголовным законом, то есть умысел может быть только прямым»³. О прямом умысле как единственной форме вины в формальных

¹ Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М.: Проспект, 2008. – С. 307–308.

³ Станкевич Г.А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 20.

составах говорят и А. Марцев с Р. Токарчуком¹. А.И. Рарог отмечает, что «при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в желании свершить общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом, т.е. он может быть только прямым»². Вместе с тем, С.В. Складов отмечает, что утверждение о возможности совершить преступление с формальным составом только с прямым умыслом не соответствует действительности. Более того, допускается совершение преступления данного преступления по неосторожности³.

Другая проблема в определении формы умысла заключается в том, что законодатель в ст. 25 УК РФ применительно к прямому умыслу указал на признак предвидения *возможности* или *неизбежности* наступления общественно опасных последствий, а применительно к косвенному умыслу – только на признак предвидения *возможности* наступления общественно опасных последствий. Такой подход законодателя разделил ученых в области уголовного права на два противоположных лагеря. Одни ученые полагают, что предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий автоматически означает наличие в действиях виновного прямого умысла⁴. Другие ученые полагают, что если виновный предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий, то само по себе данное обстоятельство еще не свидетельствует о наличии прямого умысла, т.к. помимо предвидения виновным неизбежности наступления общественно опасных последствий необходимо еще установить, что он желал их наступления.

¹ См.: Марцев А. Вина в насильственных хищениях / А. Марцев, Р. Токарчук // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 39.

² Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб: Юридический центр Пресс. – С. 460.

³ См.: Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 15–16.

⁴ При этом С.В. Складов даже предлагает внести изменения в ст. 25 УК РФ, предусмотрев предвидение неизбежности наступления последствий признаком только прямого умысла, а предвидение возможности наступления последствий – признаком только косвенного умысла // См.: Складов С.В. Указ. соч. – С. 38.

Между тем проблема приверженности одной из двух указанных точек зрения выходит за пределы теории уголовного права и имеет практическое значение, в т.ч. в ходе квалификации преступлений. Возьмем, например, случай, когда виновный с целью расквитаться с конкурентом по бизнесу, закладывает в самолет взрывчатку, предвидя неизбежную смерть всех, находящихся в самолете. В результате погибает экипаж самолета и все его пассажиры. Если принять первую точку зрения, то действия виновного следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство двух и более лиц, совершенное с прямым умыслом. Если же принять вторую точку зрения, то действия виновного следует квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 105 в совокупности с п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство одного человека опасным способом, совершенное с прямым умыслом, и убийство двух и более лиц, совершенное с косвенным умыслом.

Авторам статьи более близка вторая точка зрения. Грамматическое толкование фразы «предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» позволяет сделать вывод, что предвидение неизбежности последствий само по себе не презюмирует желание их наступления. И установление желания наступления последствий подлежит самостоятельному доказыванию. В приведенном выше примере со взрывчаткой в самолете налицо предвидение неизбежности смерти всех находящихся в нем лиц. Налицо и желание смерти конкурента по бизнесу. Но суд будет трудно убедить в том, что, закладывая взрывчатку, виновный желал смерти членов экипажа и остальных пассажиров. Их смерть никак не связана с мотивами и целями преступных действий виновного, хотя она допускается виновным или безразлична ему, что является признаком косвенного умысла. Не связана их смерть и с потребностями виновного. А, главным образом, именно через термин «потребности» раскрывается термин «желание» в психологических и толковых словарях.

В качестве довода в пользу того, что неизбежность наступления общественно опасных последствий еще не свидетельствует о прямом умысле, при-

ведем точку зрения В. Питецкого, который отмечает, что «косвенный умысел при нежелании последствий будет в тех случаях, когда лицо знает, что последствия наступят и соглашается с ними. Мы учитываем, что косвенный умысел возможен и при предвидении неизбежности последствий»¹.

Нельзя не отметить, что в целом ряде научных исследований, посвященных проблеме субъективной стороны преступления, отмечается, что прямой умысел будет в том случае, если общественно опасные последствия являются целью действий виновного. Так, например, П.С. Дагель отмечает, что в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом преступное последствие является желаемым результатом, целью (конечной или промежуточной) действия виновного. В преступлениях, совершаемых с косвенным умыслом, преступное последствие не является целью действий виновного².

С.В. Векленко и М.В. Бавсун указывают, что цель определяет направленность действий виновного, результат его устремлений, показывает отношение к наступившим последствиям. При этом цель, по их мнению, может быть прямой и промежуточной³. Б.С. Никифоров полагает, что при прямом умысле виновный относится к преступному последствию как к нужному ему событию⁴. В. Якушин и С. Дубовиченко отмечают, что «в некоторых случаях цели и предвидимые общественно-опасные последствия могут не совпадать. Это имеет место при совершении преступления с косвенным умыслом, когда последствия не выступают акцептором действия»⁵. Тем самым они от противного утверждают, что только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом преступные последствия являются целью действия виновного.

¹ Питецкий В. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 42.

² См.: Дагель П.С. Субъективная сторона преступления. – М., 1972. – С. 188-189.

³ См.: Векленко С.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления / С.В. Векленко, М.В. Бавсун. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – С. 90.

⁴ См.: Никифоров Б.С. Об умысле в действующем законодательстве // Советское государство и право. – 1965. – № 3. – С. 21–22.

⁵ Якушин В. Соотношение целей преступления с интеллектуальным моментом умысла / В. Якушин, С. Дубовиченко // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 62.

С точки зрения отстаиваемой нами позиции рассмотрим некоторые точки зрения ученых на определение формы умысла при наличии неизбежности наступления общественных последствий. Так, Бойцов А.И. полагает, что «применительно к хищениям прямой умысел означает осознание лицом того, что в результате его действий чужое имущество незаконным и безвозмездным образом переходит в его обладание, предвидение, что тем самым будет причинен материальный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества и желание наступления таких последствий или осознание неизбежности их наступления»¹. Таким образом, Бойцов А.И. отождествляет предвидение неизбежности наступления ущерба собственнику с прямым умыслом. Но позволим себе отметить, что и в данном случае трудно поверить в то, что, предвидя ущерб собственнику в результате, например, кражи, виновный желал причинение такого ущерба. Им двигали корыстные мотивы и он преследовал другие цели – разбогатеть, не умереть с голоду, раздать долги, обменять украденное на наркотики, выпить, наконец, и др.

А.И. Рарог отмечает, что при прямом умысле последствия могут выступать для виновного в том числе в качестве неизбежного сопутствующего элемента деяния. На основании этого А.И. Рарог утверждает, что кража, причинившая значительный ущерб, либо присвоение авторства или принуждение к соавторству на изобретение, причинившие крупный ущерб, могут совершаться только с прямым умыслом². Позволим себе не согласиться. Едва ли, похищая имущество или присваивая авторство на изобретение, виновный во всех случаях преследует целью причинить потерпевшему ущерб.

Следует отметить, что подход к краже как преступлению, совершаемому только с прямым умыслом, имеет исторические корни. В УК РСФСР 1960 года и похищение государственного или общественного имущества путем кражи (ст. 89), и похищение личного имущества (ст. 144) были сформулиро-

¹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 282.

² Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб: Юридический центр Пресс. – С. 460.

ваны как формальные составы преступления. 11 июля 1972 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» согласно п. 3 которого хищение заключалось в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного и общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц.¹ В этом определении хищения также отсутствовало указание на общественно опасные последствия кражи. И только 1 июля 1994 года был принят Федеральный закон, которым было включено примечание в ст. 144 УК РСФСР следующего содержания: «в ст. 144-147² УК РСФСР под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу имущества²».

В завершении статьи хотелось бы отметить, что умысел в уголовном законодательстве России определяется через осознание виновным общественной опасности своих действий. В связи с этим справедливым представляется замечание М.В. Бавсуна, который указывает, что такой подход законодателя не учитывает состояние алкогольного или наркотического опьянения, которое пробуждает инстинкты и скрытые особенности личности, не характерные для человека в трезвом состоянии, а, главное, снижает у лица возможность к осмыслению своих действий и своего поведения³.

От себя отметим, что на осознание общественной опасности действий виновного влияет и наличие у него психического расстройства, не исключающего вменяемость. Так, например, некоторые виновные, совершая убийств бомжей или девиц легкого поведения искренне считают, что совершают общественно полезное действие, очищая общество от «грязи».

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам – М.: СПАРК, 1995. – С. 93.

² Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.

³ См.: Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: Монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – С. 58.